

Глава первая

— Ну ты и вымахал! — удивился Францев, похлопывая друга по плечам. — Ну-ка поворотись, покажись... Сколько же мы с тобой не виделись? Два года почти.

— С прошлого лета, — уточнил Кудеяров, пытаясь высвободиться из объятий и оглядывая при этом кабинет участкового инспектора.

— Разве? — не поверил Николай. — Ну все равно почти полтора года не виделись. А ты таким накачанным стал... С утра до вечера, поди, с тренажера не слезаешь.

— Как раз наоборот: из кабинета не вылезаю. Вот и набрал лишнего веса.

— Наслышаны о твоих успехах. А я тоже, если честно, на месте не стою. Думал на пенсию уйти: и возраст, и выслуга позволяют, а тут мне подполковника присвоили. Сам понимаешь: сельский участковый, и на тебе — подполковник... Даже в Москву на совещание ездил: выступал перед коллегами, опытом делился... Сам понимаешь, я у коллег в авторитете: участковый и с орденом Мужества на груди.

Францев замолчал, поняв, что Кудеяров не случайно появился на пороге его опорного пункта...

— Паша, а ты к нам по делам или так — по старой памяти?

— Неделю отпуска взял, чтобы родителей навестить, а потом сводки посмотрел — у тебя на участке нераскрытое убийство с прошлого месяца висит. Вот и решил заскочить к тебе.

Участковый, продолжая радостно улыбаться, развел руками:

— Да я к расследованию никакого отношения... Труп обнаружила местная жительница... То есть жительница того самого коттеджного поселка «Ингрия», в котором проживала потерпевшая и который тебе самому хорошо знаком. Свидетельница проходила мимо участка и услышала, как воют собаки, зашла на территорию, приблизилась к дому...

— Какие собаки воют? — не понял Кудеяров.

— В доме потерпевшей собаки выли. Убитая — кинолог, то есть была кинологом... Так они в доме находились: две принадлежали потерпевшей, а одну она взяла на передержку... Короче, свидетельница первым делом позвонила мне: я примчался, удостоверился, что смерть носит криминальный характер, и доло-

жил в РУВД. Потом уж туда налетели все, но я до того осмотрел все очень тщательно.

— На что ты сразу обратил внимание?

Францев задумался, а потом кивнул:

— Там немного странно все было. Свидетельница показала, что она вошла на участок и увидела следы, которые вели к дому. Тогда первый снег выпал. Он через пару дней растаял. Или даже раньше. Но тогда слой был тридцать миллиметров, если верить метеорологам. Снегопад начался около десяти вечера, а закончился в полвторого ночи. То есть кто-то уже после этого времени зашел на территорию, убил хозяйку ножом и назад не вернулся.

— Как этот кто-то мог остаться дома?

Францев молча пожал плечами.

— Как это возможно? — не поверил Кудяров.

— Невозможно, конечно, — согласился участковый, — но я обошел дом снаружи, потом проверил все комнаты, а их там всего-то пять, включая ванную. Везде пусто. Но из дома никто не выходил. По крайней мере, следов не оставил.

— А те следы, которые обнаружила свидетельница, были зафиксированы?

— Какой там! — махнул рукой Николай. — Как примчались эти из РУВД и из районного

следкома, начали туда-сюда перемещаться и все затоптали. А я не сообразил сразу на камеру в телефоне зафиксировать. Но описать следы могу... Это были отпечатки женских ботинок размера так тридцать девятого или сорокового на плоской подошве...

— Как ты размер определил?

— Так чего его определять: у погибшей был как раз тридцать девятый. В прихожей стояли и сапожки, и ботики.

— А то, что женские боты, как узнал?

— Просто предположил. Не может же быть у мужика такого размера.

Францев наконец опустил в кресло и указал рукой гостю на такое же.

— Что мы о деле и о деле! Погляди-ка лучше, какая у меня обстановочка теперь.

— В прошлом году эта мебель уже у тебя была. Тебе ее Ашимов¹ подарил, когда покидал здешние места. Ты еще жаловался, что начальник РУВД на тебя наезжает, говорит, что это подарок всей районной полиции, а не тебе лично, а потому ты должен с ним поделиться.

— Какая у тебя память! — восхитился участковый. — Потому, наверное, ты и пойдешь далеко, то есть высоко взлетишь... Небось, уже полковник юстиции?

¹ Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

— Я и подполковника досрочно получил, так что положенные пять лет надо нового звания ждать.

— Ну уж недолго осталось...

— Ладно, — махнул рукой Кудеяров, — давай о том убийстве. Что там тебя насторожило?

— Следы... Потом орудие убийства — классический финский нож, который в просторечии называется финкой, то есть назывался, потому что таких ножей я уже давно у блатных не видел. Сейчас в обороте все больше армейские ножи, нож-бабочка или с выкидным лезвием... А там, в теле, остался такой классический...

— Финский нож, говоришь? — встрепнулся Павел. — А какой? Они же разные. Есть финский армейский «пуукко», отечественный нож разведчика «НР-40», еще «финки НКВД», которые изготавливались на заводе «Труд» лет восемьдесят назад. Есть современные финские ножи — «гюрза», например.

— Погоди, — остановил друга Францев, — я имел в виду обычный финский нож, которым в далекие времена щеголяли все блатные и приблатненные. С наборной рукоятью.

— Они тоже по-разному выглядят и называются: «кишкоправ», «фенька», «приблуда», «дунька», «перо», «лезвие»...

— Там небольшая финка была, — объяснил участковый, — для маленького кулачка — вроде как для женщины.

— Значит, «дунька». С гардой или без?

— С чем? — не понял Николай. — А, с такой штучкой, чтобы не соскользнула ладонь... У кортика такая же... Ну да, с гардой. — Участковый покачал головой. — Ну у тебя и память, Паша... Я, может, тоже в далекие времена еще в школе милиции знакомился с видами ножей, но не помню ничего. Знаю только, что пленум Верховного суда в 1996 году изъял финский нож из перечня опасного холодного оружия...

— Рукоять какая была, — продолжил Кудеяров, — наборная, разного цвета?

— Нет. Из рога сделана. Может быть, из лосиного, может, оленьего. Но рог темный был и полированный. Я в этом как-то не особенно разбираюсь, — ответил участковый.

Павел молчал.

— Может, чайку? — предложил Францев.

Гость покачал головой.

— А может, за встречу по рюмашке коньячка? Я знаю, что ты днем ни грамма, но скоро обед. Может...

— Я вот о чем думаю, — не ответил ему Кудеяров, — убийца исчез, а орудие убийства оставил в теле жертвы. Нож женский, такими в былые

времена обладали авторитетные воровки, или их дарили своим девушкам блатные авторитеты. Причем шмарам разным такие подарки не делали. Если убийца не забрал или не забрала этот нож, то...

— Он был оставлен специально, чтобы навести нас на ложный след, — догадался участковый, — чтобы мы, увидев это перо, сразу начали потрошить бывших сидельцев или лиц, с ними связанных, в надежде, что кто-нибудь из них опознает предмет и скажет, кому он принадлежит. Был бы здесь бывший местный житель Вася-в-квадрате, он бы все нам рассказал... То есть вам, товарищ подполковник юстиции... Удивляюсь, как тебе удавалось тогда на откровение такого серьезного авторитета раскручивать? Он, кстати, год назад заезжал как-то и сюда заходил, тобой интересовался, и я сказал, что ты в Москве и у тебя все в порядке.

— А Вася?

— Сказал, что живет в Порто каком-то... то есть в Италии. И у него тоже все путем вроде. Только сердце за родину болит. Ностальгия, по его словам, это как финская приبلуда в сердце... Надо же! — удивился Николай. — Именно так и сказал про финский нож. А вот название города я забыл.

— Портофино, наверное, — предположил Кудеяров, — это курортный городок на Лигурийском море. А без Васи ты сам не вспомнишь, кто тут не по одной ходке имеет? Если среди подобных почетных жителей нашего городка имеется женщина, то назови ее имя в первую очередь.

— Так только одна у нас такая — Варвара Краснова — нынешняя владелица ресторана «Вертолет», который мы с тобой в былые времена посещали. Но только сейчас это заведение не такое солидное, теперь оно как молодежный клуб работает. Краснову сейчас между собой называют Варвара-Краса.

— Симпатичная?

— Я бы не сказал. Хотя на любителя. В прежние времена ее звали Варька Лопата. Она же карманницей была. А «лопата» или «лопатник» на жаргоне означает...

— Кошелек, — поторопил друга Кудеяров. — Ты говоришь: сейчас она владеет популярным в прежние времена рестораном. И что слышно про это заведение?

— Болтают всякое. И то, что там наркоманы тусуются, дежурные проститутки за стойкой, официанты обсчитывают и алкоголя в коктейли не доливают. Но заведение проверяли, в том числе и я принимал участие, но ничего такого...

Девочки за стойкой присутствуют, разумеется, но у нее же ценник на лбу не обозначен, а контрольные закупки мы не делали... С Варварой я лично беседовал пару раз, интересовался, кто ее крышует, но узнал лишь, что она и сама за себя постоять может. Варе сейчас под пятьдесят, выглядит лет на сорок. Не замужем, но жила некоторое время с парнем лет на пятнадцать младше себя. Или даже на двадцать. Потом его выперла. Свидетели рассказали, как она вытаскивала его из машины... То есть не она лично, а человек из ее клуба вытащил несчастного, и Варя уже сама обработала его по полной. А тот паренек на вид не слабак. Краснова его уже на земле ногами добила.

— В каком смысле? — не понял Кудеяров. — До смерти?

— Нет, конечно, до отключки. Но он сам потом встал, какие-то сердобольные бабульки мимо проходили, помогли ему дойти до нашего медцентра. Ну а потом его никто не видел больше.

— Разберись с этим, — попросил Павел и добавил: — И еще: не особенно распространяйся, что я здесь.

Они вышли вдвоем, и Францев увидел черный «Ауди Q7».

— Это твой? — удивился он.

— Служебный. У меня личная «Хонда» была, если ты помнишь, но почти год назад ее мне взорвали. И начальство решило как-то компенсировать.

— Взорвали? — не поверил Николай. — А ты где был?

— Рядом стоял. Потом бабахнуло, и меня метров на семь отбросило. Повезло, что не на асфальт, а на газон. Если бы припарковался на это место, но в другую сторону, то могло бы отбросить как раз на трассу под поток машин. Но я и без того целый месяц в госпитале валялся.

— И кто это сделал?

— Кто сделал, не так важно, но заказчика взяли. В один прекрасный момент он вдруг стал владельцем крупного градообразующего предприятия. Бывшие владельцы пытались добиться справедливости, но стали вдруг умирать один за другим. А те, кто хотел жить, отказались от своих претензий. Кроме того, на стороне нового хозяина — человека с криминальным прошлым — вдруг оказались и местная власть, и местные правоохранительные органы.

Павел открыл дверь, и Францев заглянул в салон.

— Какая красота! — восхитился он. — А какой запах! Дашь покататься?

— Да хоть сейчас садись за руль.

— Сейчас не могу, — вздохнул участковый, — сейчас у меня дела.

Кудеяров сел за руль и уехал, а Николай вернулся к своему рабочему столу, опустился в красное кожаное кресло, в спинку которого был встроен массажер, выдохнул, выдвинул ящик стола и посмотрел на фляжку с виски, преподнесенную ему пару недель назад на День милиции главой поселковой администрации, вздохнул и задвинул ящик. Было очень обидно. А как не обидеться, когда друг разговаривал с ним как с дураком, расспрашивал, хотя сам наверняка знал гораздо больше, чем он, рядовой участковый. Впрочем, конечно, далеко не рядовой.

Францев еще раз оглядел свой кабинет и вспомнил, каким он был несколько лет назад: выцветшие обои, продавленный диван для посетителей, на котором приходилось порой спать, когда в соседней комнатке, считавшейся его жилплощадью, оставались ночевать друзья после вечерних посиделок. Когда-то здесь стоял еще ободранный холодильник, постоянно дребезжавший с такой оглушительной злобой, что приходилось его пинать ногой, чтобы он притих хоть на пару минут. А сейчас на том же месте стоит, сверкая черной зеркальной дверью, двухметровый красавец.

Подполковник достал мобильный, размышляя, кому бы позвонить. А потом положил телефон на стол. Снова выдвинул ящик, посмотрел на фляжку. В голову пробиралась какая-то песня или стихотворение — мелодия подзабылась, но слова вспомнились отчетливо, и Николай произнес их громко, сбрасывая с себя напряжение и обиду:

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

За окном послышался звук двигателя подъехавшего автомобиля. Не прошло и минуты, как открылась дверь и в кабинет вошел Кудеяров.

— Вернулся, чтобы извиниться.

— За что? — изобразил непонимание Францев.

— За разговор. Я надеялся, что ты знаешь больше, чем следствие. Так что прости. А вечером мы обязательно посидим и на все темы с тобой поговорим. А что касается тех следов, которые сбили с толку не только тебя, но и следователя Карпова, — тут все просто. Просто убийца надел обувь хозяйки и ушел спиной вперед. Хотя, может, он ушел в своей обуви, а в этом случае он невысокого роста или и вовсе

женщина. Но ясно одно, что убийца пришел до начала снегопада, а ушел после того, как он закончился. Судя по моменту наступления смерти гражданки Черноудовой и по приблизительно времени прекращения снегопада, прошло около часа. Что делал в это время убийца в доме? Ты же сам видел при первичном осмотре помещений, что следов разгрома и поисков чего-либо — денег, драгоценностей — нет.

— Не обнаружил, — подтвердил Николай, — потому что все было прибрано.

— А если убийца ничего не искал, то он очень хладнокровен и выдержан. Остаться на месте преступления и ничего не делать — немного странно...

— Мне кажется, что он выпивал, — вдруг догадался Николай, — на кухонной столешнице стояла пустая бутылка виски, а в мойке два стакана. Но отпечатков пальцев не было: ни на бутылке, ни на стаканах, как и на ручке входной двери. Убийца не просто хладнокровный и спокойный, как ты заметил, — он еще и опытная тварь: сам подумай — убил, допил виски, надел ботинки и утопал спиной вперед, чтобы никто не сомневался, что кто-то вошел внутрь и не выходил. Местный следком в полном недоумении.

— Следователь Карпов, чтобы не мучиться догадками по поводу направления следов и закрыть дело, высказал предположение, что Алевтина Черногудова убила себя сама, а то, что на орудии убийства не было никаких отпечатков, объяснил предположением, что их могли слизывать собаки. Узнав о таком выводе, я и решил приехать. Ведь это мой район... То есть наш. Так что работаем вместе, Коля.

Францев поднялся со своего кресла почти стремительно и выпалил громко:

— Всегда готов!

— Тогда потряси аккуратно эту Варвару-Красу и на своих информаторов надави — пусть побегают: наверняка кто-то что-то знает. Должен знать. Я дело изучал: так вот, в телефоне убитой контактов более трех сотен, и это только те, с кем она общалась довольно часто. А я направляюсь в поселок: у нас там с тобой есть две очень наблюдательные помощницы.

— Люба с Виолеттой? — переспросил Николай. — Но я же с ними беседовал сразу же, и они ничего не знают. Единственное, что может помочь, — то, что именно Люба, которая, как ты помнишь, замужем за банкиром Гуревичем, обнаружила тело.

— Тогда обе, может, и не знали ничего, но, учитывая их активность, могли что-нибудь разведать. Проверь!

Францев кивнул и поинтересовался без всякой надежды:

— Может, пообедаем сначала?

Но, увидев лицо друга, тут же изменил свое предложение:

— Тогда хоть поужинаем у нас?

— Подумаю, — кивнул Павел.

Ничего не сказал больше, повернулся и вышел из кабинета участкового.

«А может, он приехал не по нашему делу, — подумал Николай, — убийство дамы с собачками — прикрытие, чтобы начальство отпустило. Наверняка у него встреча с Мариной¹. Сколько же длятся их отношения? Года четыре или около того. Неужели на сей раз решили пожениться?»

И он порадовался за друга. Порадовался, разумеется, не потому, что Марина Лужина — богатая женщина, у которой солидный бизнес — крупное мебельное производство, а потому, что Павел и Марина по-настоящему любят друга друга. И то, что они до сих пор не вместе, — досадная и нелепая случайность.

¹ Екатерина Островская. «Двери в темное прошлое».

Францев поднялся с кресла, зачем-то погладил кожаную обивку спинки. Покидать теплое помещение не хотелось, но служба есть служба, хотя предстоит заниматься делами, которые не входят в его обязанности участкового, но об этом попросил Павел, а значит, надо помочь ему. И спросить, что у него с Мариной... Как-нибудь тактично, как будто случайно вспомнил.

Глава вторая

Участковый зашел в ресторан и оглядел зал. Посмотрел и на огромный пропеллер под потолком, который летом нагонял в зал прохладный воздух. Мимо пробежала молоденькая официантка, Николай сделал попытку остановить ее.

— Девушка!

Та едва остановилась, обернулась на ходу, сказала быстро:

— Я ничего не знаю, я только второй день здесь.

И скрылась в подсобке.

Францев направился к барной стойке, буфетчица стояла спиной к нему, но Николай узнал ее.

— Давно здесь?

Женщина обернулась и постаралась приветливо улыбнуться, продолжая молчать.

— Алена Сорокина, я, кажется, задал вам вопрос, вы что, принципиально не хотите со мной общаться?

— Здравсте, Николай Степанович, — наконец ответила буфетчица, — просто голова кругом. Я здесь всего два месяца, но столько всего навалилось... Не думала даже, что работа за стойкой такая ответственная и тяжелая: столько надо всего знать...

— Я чего тут знать? — удивился Францев. — Наливай да пей.

— Намек поняла, — шепнула женщина, — вам чего налить?

— Я не в этом смысле, — затряс головой Николай, — это я к тому, что если бы ты работала не два месяца, а два года, то ты знала бы всех постоянных клиентов.

— Так я и так их знаю: все же местные. В основном, конечно, молодежь, но я и родителей их знаю.

— Да меня одна тут интересовала, но она не из самого Ветрогорска, а из коттеджного поселка «Ингрия». Черноудова Алевтина.

— Эта та, которую недавно убили? — снова шепнула буфетчица. — Но ту я тоже здесь видела. Особо ничем она не отличалась.

— Ну ладно, чего уж там, — вздохнул Николай.

— Но слышала про нее много чего, — так же тихо продолжила женщина.

— Что, например?

Сорокина посмотрела в зал, проверяя, не слушает ли кто их разговор, наклонилась к барной стойке и совсем негромко произнесла:

— Ну, типа того, что у нее был роман с Холодцом, а до того с Артемом, который служил водителем хозяйки... Он тут поставил своих распространителей... Так говорят, но сама я не могу утверждать, потому что тогда только пришла и не успела...

Она не договорила и резко отстранилась от стойки. Николай обернулся в сторону зала и увидел ту самую молоденькую официантку, которая не захотела общаться с ним. Но теперь рядом с ней стояла крашенная блондинка средних лет с розовыми тенями вокруг глаз. Это была владелица ресторана Варвара Краснова. Она быстро махнула ладонью, и молоденькая официантка, стуча каблучками, удалилась.

— Какая шустрая девочка! — громко удивился Францев. — Я только подумал, что надо вас позвать, а она сама сразу за вами.

— У вас ко мне какие-то вопросы? — поинтересовалась Краснова.

Участковый шагнул к ней.

— В качестве профилактики я обязан это сделать, — с грустью в голосе произнес Николай, — а то разные сигналы поступают, люди настойчиво просят принять меры.

Краснова покосилась на буфетчицу и громко произнесла:

— Прошу проследовать в мой кабинет, товарищ подполковник.

Переступив порог, Францев удивился:

— Надо же — ничего тут не изменилось!

— Бывали здесь прежде? — поинтересовалась хозяйка ресторана, проходя за свой стол и усаживаясь в кресло.

— Приходилось, и не раз, — признался участковый, придвигая к себе кресло для посетителей. — Но это было давно, еще когда это заведение принадлежало Дмитрию Васильевичу Романову. А еще ему принадлежали кафе «Романсеро», пирожковая «Ромовая баба»...

— А еще и итальянский ресторан «Мама Рома», — продолжила Краснова, — а теперь эта именно точка — мой ресторан.

— Повезло тебе, — кивнул участковый, — хорошее заведение было. И дорогое для наших мест. А насколько я помню, ты, Варвара Григорьевна, откинулась шесть лет назад. Приехала сюда, встала на учет... Потом на пару лет пропала, вернулась еще беднее, чем была, и вдруг покупаешь «Вертолет»...

— А вы мои деньги считали? Я эти два года на нефтедобыче вкалывала — буфетчицей в далекой таежной глуши.

— Ну да, — согласился Францев, — как говорится, тайга — закон, медведь — хозяин. Короче, настрадалась ты выше крыши. Ну хоть деньги платили — и то хорошо. Вася-в-квадрате на тебя не выходил?

— Кто? — изобразила непонимание женщина.

— Василь Васильевич Кульков — он же Вася Кулек, он же Вася-в-квадрате, прозванный так за свои размеры, — спокойно объяснил Францев, — ты че мне дурочку включаешь?

— Я никого не включаю, — поморщилась Краснова, — я просто даю понять, что с прошлым завязала, у меня теперь другая жизнь. Кроме того, с гражданином Кульковым близко знакомой не была. Да и когда мне с ним... Когда на меня первый зоновский бушлат шили, на него еще, как говорится, только...

— Ты бы, Варя, помолчала лучше, — остановил ее Николай. — Кулек при мне с Романовым о продаже этого кабака договаривался, но тогда они не успели сделку закрыть, потому что срочно линять надо было обоим. Вот Вася и решил на тебя оформить... Знает, что ты не

предашь и не кинешь. Кстати, как он там у себя в Портофине?

Женщина молча пожала плечами.

— А он знает, что у тебя тут наркотой торгуют?

— Клянусь мамой, гражданин начальник, не было такого...

— Мама твоя умерла три года назад; я сам в протоколе указал, что смерть некриминальная. Квартирка после ее смерти освободилась, и ты тут же прилетела из далекой таежной глуши, а точнее, из города Пензы, где ударно вкалывала мамочкой в подпольном борделе.

Краснова выдвинула ящик стола, достала оттуда пачку сигарет и зажигалку.

— Ну да, был у меня сложный период в жизни, когда пришлось трудиться в сфере неофициальных услуг, но кому что плохого делала? Клиенты-мужики, местные и гости города, счастливыми уходили, девочки на учебу себе зарабатывали. Менты... простите, сотрудники правоохранительных органов тоже внакладе не оставались. И мы...

— И вы все вместе строили коммунизм в одном отдельно взятом городе, — продолжил Францев. — Ты мне лучше скажи, за что Холодец твой накидал твоему же Артему? Честно говори, чтобы потом тебя спецы не кололи

с вопросами о том, что тут на твоей территории Артем наладил.

— Да ничего он не наладил, Николай Степанович! Они девушку не поделили. Да там такая девушка: сегодня с одним, завтра с другим.

Участковый кивнул, как будто не ожидал иного объяснения.

— Алевтина Черноудова? Так ведь?

Краснова достала из пачки сигарету, щелкнула зажигалкой и пожала плечами.

— А я знаю, как ее звали?

— Знаешь! — уверенно произнес Николай. — Ты даже знаешь, что ее убили сразу после того, как твой Сережа Холодец накостылял твоему же Артему.

Варвара выдохнула струю дыма, помахала ладошкой, разгоняя ее.

— А я-то здесь при чем? И мой ресторан? Мужики подрались из-за бабы... Только, насколько я помню, это было сразу после того, как ее замочили.

— А ты Артему, уже лежащему, с носка по челюсти въехала. За что такая жестокость? К той девушке приревновала? Или все-таки за наркоту?

— Ваша правда, Николай Степанович, — кивнула женщина, — за наркоту поганую. Попытался он... в смысле Артем, через одного

хмыря здесь сбывт наладить. Хододец его сразу взял, а тот и указал на моего водителя бывшего.

Францев посмотрел на часы:

— Как время летит! Уже обедать пора.

Он поднялся:

— Ну, будем считать, что профилактическая беседа проведена.

Он пошел к выходу, но у двери остановился и обернулся.

— А какой у тебя размер ноги? Дело в том, что Лене моей подарили сапоги итальянские — очень крутые, но с размером ошиблись. Можно было бы продать через магазин, но эти сапоги стоят столько, что у нас в городке вряд ли кто их подымет...

— С размером мне не повело, товарищ подполковник. У меня тридцать пятый. В магазинах если что стоящее появляется, то только больших размеров. У твоей Лены какой?

— Тоже маленький. А сапоги тридцать девятого ей привезли. Так что, если у тебя есть на примете такая подружка...

— У меня подружек нет.

— Разве? — удивился участковый. — А мне говорили, что тебя видели с «дунькой».

— Какой еще Дунькой? — не поняла рестораторша.

— У которой костяная ручка и гарда. Перо такое. У тебя его видели.

— А-а, ты про ножик. Врут твои осведомители. Так я с ножами не хожу. Во-первых, у меня масть другая, а во-вторых, и это на самом деле главное, я завязала. И мой тебе совет, Николай Степанович, ты не очень щеголяй знанием фени. Не поймут тебя люди. Сейчас на ней никто не болтает. Будешь к нынешним уркам с таким базаром подъезжать — за клоуна тебя примут. А прибудины я не ношу и не храню. Так и передай следаку московскому. Ведь это он тебя ко мне отправил?

— Да он по своим делам к нам, а ко мне по старой дружбе завернул.

— Нет у него никаких личных дел: его Вика давно уже за другим замужем.

— Что ты вдруг про учительницу вспомнила? — удивился Николай. — Это было давно и неправда к тому же. Что ты всякие сплетни собираешь?

— Прости, Николай Степанович, само как-то вырвалось. Твоего дружка потом уже с другой под ручку видели.

— И про это тоже распространяться не надо, а то ведь Кудеяров и обидеться может — а он теперь большой человек: из его кабинета Колыму видно.

Францев вернулся в зал, подошел к стойке и посмотрел на буфетчицу.

— Что, твой муж продал свою «Газель»? Не вижу его фургончик.

— В аренду сдал, — ответила Алена, — так он сам с ней в аренду сдался. На каком-то складе товар берет и развозит по точкам. Зарплата неплохая, только приходится делиться с боссом, который его туда пристроил, на него договор со складом оформлен... — Женщина обернулась, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает, и все равно перешла на шепот: — А Кудяров-то по какому делу приехал?

— По личному, — так же шепотом ответил Николай.

— Так у его Вики с Уманским все хорошо, если он думает...

— Что вы все бабы такие дуры! — возмутился участковый. — Если личное, а не служебное, значит, речь о девушке. А он ко мне примчался, чтобы отдохнуть. Пока лед не встал, можно и на рыбалочку смотаться. На спиннинг, конечно, поздновато и холодно, но на донку ловить самое то.

Францев положил на стойку визитку:

— Позвони, если вспомнишь что.

Алена кивнула молча, потом оглянулась и быстро бросила:

— Если что-то узнаю, скажу, — и добавила негромко: — Не для вас это делаю — для вашего друга. Он моего Сашку от тюрьмы спас, когда все думали, что это мой дурачок Алика Ашимова¹ зарезал. Так что если уж не узнаю, то и никто вам больше помочь не сможет.

Он вышел за порог и прикрыл лицо ладонью: недолго пробыл в ресторане, но за это время поднялся ветер, который заметал мелкую белую крупу и остервенело бросал ее по сторонам. Николай поднял воротник куртки и огляделся — улица и площадь перед Домом культуры были пусты: для жителей городка очевидная такая перемена оказалась внезапной — теплый октябрь и ноябрь вдруг стали зимой. Хотя и эта крупа вряд ли задержится. Ничего не бывает надолго. Когда-то он, оттарабанив почти двадцать лет опером, чуть под суд не попал: слава богу, начальство статистику портить не захотело — отправило в область участковым, где он и собирался остаться и дожидаться своей пенсии. Он сменил молодого и раннего, рвущегося на службу перспективного лейтенантика Пашу Кудеярова, который, как выяснилось, сам выследил и задержал двух убийц. Он тогда даже позавидовал парнишке, у которого было все

¹ Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

Екатерина Островская _____

вперед: и карьера, и вся жизнь. Тогда Францев и представить себе не мог, как изменится его жизнь, придет к нему то, о чем он и мечтать не мог, — любовь и счастье.

Теперь он спешил к жене, переполненный радостным ожиданием скорой встречи с любимой и с двумя маленькими людьми — дочкой и сыном.